

РОМАН ТИХОРЕЧЕНСКИЙ

НОМЕР С ВИДОМ НА ШТОРМ

18+

18+

Роман Тихореченский
Номер с видом на шторм

«Автор»

2026

Тихореченский Р.

Номер с видом на шторм / Р. Тихореченский — «Автор», 2026

Реставратор Ася Ланская приезжает на месяц в приморскую гостиницу. Ей нужно привести в порядок три старых панно и доказать себе, что она умеет работать без бывшего партнёра. Михаил Корнеев готовится продать гостиницу, которой отдал десять лет, — и впервые не знает, чем займётся дальше. Сначала их связывают только работа и вечерние разговоры. Потом появляются свидания, оставленный на кухне любимый чай и желание задержаться ещё на одну ночь. Но когда Михаил находит способ сохранить их общую жизнь, Ася обнаруживает, что её саму об этом забыли спросить. Чтобы остаться вместе, им придётся научиться большему, чем любить. Законченная романтическая повесть.

© Тихореченский Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Семь	5
Глава 2. Обратная сторона	8
Глава 3. Своя фамилия	11
Глава 4. Май в апреле	13
Глава 5. По сухому песку	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Роман Тихореченский

Номер с видом на шторм

Глава 1. Семь

До гостиницы я добралась в половине шестого. Автобус высадил меня возле продуктового магазина; последние триста метров пришлось идти пешком, придерживая капюшон и волоча чемодан по мокрой брусчатке. За оградой шумели сосны. Море пока не было видно, но пахло им так сильно, будто мокрый воздух можно было выжать из шарфа.

Я остановилась перед дверью и проверила адрес. «Белая линия», Сосновая, восемь. На фотографии, которую мне прислали, фасад был жёлтым. Сейчас он казался серым, и только над входом, куда не доставал дождь, сохранился тёплый цвет штукатурки.

Я приехала сюда работать. Это стоило напомнить себе сразу, пока я не начала жалеть человека, которому предстояло платить мне за месяц работы.

За стойкой сидела женщина в тёмном кардигане. Она посмотрела сначала на чемодан, потом на длинный тубус у меня под мышкой.

— Ланская?

— Да. Ася.

— Галина. Документ, пожалуйста. Чай будете?

Я ответила «буду» быстрее, чем достала паспорт.

Она выдала ключ с деревянной цифрой семь и распечатку с паролем от сети. Показала, где завтрак, предупредила, что горячая вода поначалу идёт не сразу, и только после этого позвонила владельцу.

— Михаил, приехала. Нет, с дороги сначала поест.

Я уже любила Галину.

Номер оказался в конце коридора первого этажа. Здесь пахло чистым бельём и нагретой батареей. На кровати лежало тяжёлое покрывало, у окна стоял письменный стол с зелёной лампой. Когда я отдернула штору, увидела море: широкую полосу тусклого металла за соснами и пустой террасой.

Из-за этого вида мне захотелось остаться дольше предусмотренных четырёх недель. Я сразу подумала о сумме, которая должна прийти после первого этапа, и поставила тубус на стол.

Моя мастерская в Петербурге помещалась в арендованной комнате. За окном был кирпичный двор, сосед за стеной ремонтировал музыкальные инструменты. Дважды в неделю он проверял саксофоны, и в эти дни я любила свою профессию немного меньше.

Зато на двери висела моя фамилия.

Я сняла промокшие ботинки, переделалась в джинсы и сухой свитер. В тридцать два года уже можно было не пытаться выглядеть специалистом с помощью неудобной одежды. Я достала папку с договором и пошла искать чай.

Столовая выходила на ту же террасу. Столы были накрыты только у окна, остальной зал занимали перевернутые стулья. Галина поставила передо мной тарелку картофельной запеканки.

— Кухня до пяти. Но я оставила.

— Спасибо.

— Не мне. Повару завтра скажете. Она верит только тому, кто доел.

Владелец появился, когда я как раз пыталась отделить вилкой последний кусок корочки. Высокий мужчина в рабочей куртке, с короткими тёмными волосами и белой полоской краски на запястье. Увидев тарелку, он остановился.

— Я подожду.

— Если это не собеседование, можете сесть.

Он снял куртку и повесил на спинку соседнего стула.

— Михаил Корнеев. Мы переписывались.

— По письмам вы казались строже.

— Я сегодня устал быть строгим.

Я улыбнулась. Он тоже, но ненадолго: в кармане завибрировал телефон.

— Тимур, я отметил нужный автомат. Нет. Стой. Я сейчас спущусь и покажу.

Он убрал телефон.

— Извините. Пять минут.

Я доела, выпила чай и просмотрела договор. За месяц требовалось описать коллекцию тканей, которая накопилась в гостинице, и подготовить три панно к хранению и возможной перевозке. В приложении были фотографии, размеры и осторожная формулировка «стабилизация состояния». Продажей антиквариата я не занималась, художественную ценность в рублях не определяла. Это мы оговорили ещё по почте.

Михаил вернулся через двенадцать минут. Без куртки, с двумя чашками.

— На завтра перенесём?

— Осмотр? Нет. Я всё равно до ночи не усну, если не посмотрю, с чем работаю.

Он поставил одну чашку передо мной. На краю блюда лежало лимонное печенье.

— Тогда пойдёмте.

Гостиная находилась за столовой. Михаил включил потолочный свет, отодвинул ширму. У стены стояли три высокие рамы, укрытые белой тканью.

Первое панно я узнала по фотографии: морской берег, дома на склоне, красная лодка. Второе — длинная композиция из листьев и тонких стеблей. Третье было почти абстрактным: светлые прямоугольники, между ними синяя полоса. На снимке она казалась рекой. Вблизи я увидела, что это раскрытое окно.

У верхнего края ткань отошла от крепления. Я наклонилась, не касаясь.

— Кто их снимал?

— Я и столяр. В феврале. До этого висели здесь.

— Влажность измеряли?

— Датчик есть. Записи покажу.

Я посмотрела на него с большим интересом.

— Хорошо.

— Вы ожидали хуже?

— Я всегда сначала ожидаю хуже. Так меньше неожиданностей.

Он стоял рядом, но не заглядывал через плечо. Давал мне место. Я достала фонарик, осветила оборот рамы. В углу была пришита маленькая льняная метка: «Е. Корнеева. Май. 1994».

— Родственница?

— Мать.

Я убрала фонарик.

— Все три?

— Да.

Галина говорила, что гостиницу продают. В договоре стояла дата передачи — одиннадцатое мая. На подготовку коллекции у меня было время до третьего.

— Их продают вместе с домом?

Михаил посмотрел на панно, словно ответ следовало прочитать на ткани.

— Пока нет. Покупатель хочет их посмотреть. Потом решим.

Он сказал это слишком быстро, и я не стала спрашивать дальше.

Когда мы вернулись в столовую, чай остыл. Михаил потянулся забрать чашку, но я придержала её за ручку.

— Я такой люблю.

Он отпустил. Наши пальцы не соприкоснулись, хотя на секунду мне показалось, что должны.

— Завтра в девять? — спросил он.

— В половине десятого. Мне нужно купить воду и понять, где здесь ближайшая аптека.

— Аптека напротив магазина. Воду принесут.

— Я сама куплю.

Он кивнул, чуть удивлённый.

Я забрала печенье и подняла папку со стула. Только в номере заметила, что всё ещё держу ключ в ладони. Деревянная семёрка оставила красный след.

Глава 2. Обратная сторона

Утром оказалось, что море бывает белым. Полоса между водой и небом исчезла; на террасе мокли плетёные кресла. Я долго смотрела в окно, пока не закипел маленький дорожный чайник, который всегда возила с собой.

В Петербурге я собиралась быстро: рабочие вещи в одну половину чемодана, обычные — в другую. Платье положила в последний момент, только потому, что оно не мялось. Сейчас, вытаскивая хлопчатобумажную рубашку, я зачем-то проверила, на месте ли платье.

Гостиная уже была готова. Два стола составили вместе, убрали цветы, закрыли жалюзи на солнечной стороне. Рядом стоял ящик с бумажными полотенцами и бутылками воды. Михаил не пришёл встречать меня, и это было даже приятно: я могла спокойно разложиться.

Я подписала конверты для образцов, включила приборы, сняла общий план каждой работы. На обороте «Мая» обнаружились следы старой починки. Кто-то подшивал ослабевший край ниткой толще исходной, и теперь вдоль шва ткань собиралась мелкими складками.

Михаил появился с папкой показаний датчика.

— Это делали здесь? — спросила я.

Он посмотрел.

— Мать. Последний год перед болезнью.

— Я отмечу как позднюю авторскую правку. Пока не трогаю.

— Если это неправильно, можно убрать.

— Пока я не знаю, зачем она так сделала.

Он придвинул стул, но садиться не стал.

— Мне нужно, чтобы к показу они выглядели нормально.

— К какому показу?

— Двенадцатого апреля приедет покупатель. В воскресенье.

До воскресенья оставалось пять дней.

Я открыла приложение к договору и повернула к нему.

— Здесь третье мая.

— Я не прошу закончить. Просто показать.

— Тогда увидят как есть. Нельзя сейчас быстро натянуть край, чтобы выглядел ровно.

Его так легче порвать.

Он молчал. Я знала это молчание: заказчик пытается решить, правда ли работа сложная или ему только что объяснили, почему она будет стоить дороже.

— Сумма не изменится, — сказала я. — Но красивого лица без работы с изнанкой не получится.

— Сумма меня не беспокоит.

Телефон в его руке засветился. Он прочёл сообщение, и я подумала, что это неправда.

— Давайте договоримся, — сказала я. — Вы говорите, что вам нужно и к какой дате. Я говорю, что могу. Если не совпадает, ищем вариант. Только предупреждайте о новых сроках заранее, чтобы у меня оставалось время подготовиться.

Михаил наконец сел.

— Хорошо. Ирина Сомова хочет увидеть всё, что остаётся в доме. Её компания покупает гостиницу. Ремонт, новое название, другая система работы. Я покажу ей текущее состояние. Ваше объяснение тоже.

— Хорошо.

— Вы всегда так разговариваете?

— Как?

— Как будто я уже пытался вас обмануть.

Я опустила глаза на бумагу.

— Не всегда. Но бывает. Извините.

Он кивнул, принимая извинение без удовольствия. Мне понравилось, что он не стал утешать меня.

Потом мы описывали панно. Михаил держал свет, когда требовалось посмотреть под углом, помогал поворачивать тяжёлую раму. Я объясняла, за что можно брать. Он запоминал с первого раза.

На втором панно пришлось долго разбирать рисунок. Я решила, что это ветки ольхи. Михаил сказал, что укроп.

— Укроп?

— Она терпеть не могла его в еде. Зато постоянно рисовала.

Я отошла на два шага. Теперь действительно увидела зонтики.

— Тогда у меня уже ошибка в описании.

— Можно оставить ольху. Звучит дороже.

Я рассмеялась, и он впервые посмотрел на меня так, словно мы занимались чем-то приятным.

В обед я вышла в коридор размять спину. У стойки спорили двое пожилых гостей: мужчина хотел остаться ещё на день, женщина напоминала про кота. Галина слушала, не вмешиваясь. Когда они ушли звонить соседке, она достала банку крема и начала намазывать руки.

— Вы после продажи остаётесь? — спросила я.

— Если условия будут нормальные.

— А Михаил?

— Не знаю. Он всем работу ищет. Себе некогда.

Она закрыла банку. Разговор был окончен.

На обратном пути в гостиную я увидела его возле лестницы. Перед ним стоял мужчина в белом спортивном костюме и показывал что-то на экране телефона.

— Здесь написано «вид на море», — говорил он. — Где у меня море? Деревья у меня.

Михаил попросил показать фотографию номера. Мужчина увеличил снимок так, что в кадре остался один ствол сосны.

— Если подойти к правой стороне окна, видно залив, — сказал Михаил.

— Я за окно платил или за гимнастику?

Я уже приготовилась услышать вежливый отказ. Вместо этого Михаил достал свой телефон, открыл описание номера и прочитал до конца.

— Да. Формулировка неточная. Могу предложить другой номер на эту ночь или вернуть разницу за вид. Второй этаж закрыт, выше сейчас не поселим.

Мужчина выбрал деньги, потом попросил ещё поздний выезд. Михаил согласился на час, на четыре — отказал. Голос у него не менялся.

Когда гость ушёл, я сказала, что он ведёт себя на удивление терпеливо.

— Я мысленно выбросил его телефон из окна, — ответил Михаил.

— Из правой части?

Он засмеялся.

Галина принесла распечатку бронирования. Оказалось, описание обновили летом и случайно убрали слово «боковой». Михаил взял ручку, но она забрала лист обратно.

— Я сама исправлю. У меня доступ есть.

— Я только отметить.

— Отметила уже.

Он отпустил бумагу. Я увидела, как тяжело ему далось это маленькое движение.

В гостиной я поймала себя на том, что защищаю его перед отсутствующим гостем. Сосны здесь росли задолго до рекламного описания, гостиница не могла передвинуть их ради чело-

века в белом костюме. Потом посмотрела на свой вид из окна и подумала, как бы расстроилась сама, если бы вместо воды увидела стену.

За ужином Галина рассказала, что мужчина приехал с женой после её долгой болезни. Она не могла далеко ходить и рассчитывала смотреть на море из комнаты. Супругов всё-таки переселили в соседний со мной номер, там вид был шире.

— Он мог сказать сразу, — произнесла я.

— Мог, — согласилась Галина. — А мог не хотеть всем рассказывать.

Я вернулась к столу и зачеркнула в описании второго панно слово «очевидно». После небольшого раздумья убрала его ещё из двух мест.

Вечером Михаил принёс старый альбом. На фотографиях столовая была полна людей; на террасе висели бумажные фонарики, мужчина в клетчатой рубашке держал над головой огромную рыбу. Рядом смеялась женщина с короткой стрижкой.

— Мать? — спросила я.

— Да. А это отец. Рыба чужая. Ему дали поддержать.

Я перевернула страницу. В кадр попал подросток, насупленный и длинноногий, в слишком большой куртке.

— Вы?

— К сожалению.

Я взглянула на него. Теперь куртки были по размеру. Нос остался тот же, чуть неровный, и привычка поджимать губы, когда на него смотрят.

— Мне нужны будут снимки работ в интерьере. Можно переснять?

— Конечно. Личные фотографии только никуда не выкладывайте.

— Без вашего разрешения — нет.

Он оставил альбом. Я записала это условие в рабочую тетрадь, хотя обычно такого не записывала.

Глава 3. Своя фамилия

На третий день позвонил Кирилл.

Я увидела его имя, когда стояла у окна и ждала, пока высохнет тестовый участок. За стеклом мужчина в жёлтой куртке ловил перевёрнутое ветром ведро. Михаил вышел помочь; вдвоём они долго пытались удержать крышку.

— Привет, — сказала я в телефон.

— Ты на Балтике?

— Да.

— Даша сказала. Что за объект?

Я посмотрела на тетрадь. Вопрос был обычный, профессиональный. Всё равно мне захотелось закрыть её ладонью.

— Частная коллекция текстиля. Несколько панно.

— Пришли снимки. Может, подскажем что-нибудь.

Раньше это «мы» означало его бюро, даже когда он звонил из нашей спальни. Мы с Кириллом прожили вместе пять лет, работали шесть. Когда расхордились, самой долгой оказалась не делёжка вещей, а переписка о том, какие фотографии проектов я могу показывать от своего имени.

Он не запрещал. Каждый раз просил сначала согласовать подпись.

— Пока не нужно, спасибо.

— Ась, я без задней мысли.

— Я тоже.

Он помолчал.

— У нас объект в Казани. Музей частной коллекции. Текстильная часть твоя, если интересно. С июня на три месяца.

Я села. Это было интересно. Очень.

— В составе бюро?

— Под нашим договором. Заказчик привык, что у него один ответственный.

Я вспомнила собственную фамилию на маленькой табличке. По вечерам она отражалась в стекле соседской мастерской задом наперёд.

— Пришли условия письменно. Я посмотрю.

— Согласовать бы быстро.

— Тогда пришли сегодня.

После звонка я долго не могла вернуться к панно. Деньги за гостиницу закрывали аренду и часть расходов на материалы. Трёхмесячный музейный проект означал возможность работать без постоянного подсчёта мелочей. Но я слишком хорошо знала, как легко попасть обратно в старое устройство жизни, если назвать его удобной деловой схемой.

В коридоре загремело ведро.

Михаил вошёл, вытирая волосы бумажным полотенцем.

— Можно тут оставить альбом ещё на день? Вера придет вечером, хочет посмотреть.

— Конечно. Вера — ваша сестра?

— Да. У неё тоже доля в гостинице.

Он посмотрел на мою чашку.

— Кофе совсем плохой?

— Почему?

— Вы его не пьёте.

— Остыл, пока говорила.

— Там есть кофемашина.

Я ждала, что он возьмёт чашку и уйдёт делать новый. Вместо этого Михаил показал в сторону коридора и вернулся к папке. Пришлось встать самой. Почему-то это улучшило мне настроение.

Вера приехала после шести. С братом они были похожи глазами, но всё остальное отличалось: она говорила быстро, смеялась без подготовки, сразу сняла обувь у двери гостиной и осталась в ярких носках.

— На каблуках к вам нельзя, Галина убьёт, — объяснила она. — А без каблучков меня сегодня клиентка в очередь к самой себе отправила. Решила, что практикантка.

Вере было тридцать четыре. Она работала физиотерапевтом в Калининграде и вместе с коллегой собиралась открывать кабинет. Свою часть денег от продажи уже мысленно распределила между помещением и оборудованием.

— Михаил считает, что это слишком рискованно, — сказала она.

— Я считаю, что помещение надо проверить до аванса.

— Мы проверили.

— Кто?

Она взглянула на меня.

— Вот. Видите?

Я сделала вид, что рассматриваю альбом.

За ужином они спорили уже спокойнее. Михаил подкладывал сестре рыбу, она отодвигала тарелку и возвращала разговор к тому, что её долю нельзя снова вложить в крышу. В прошлом году вложили. Тогда продажу отложили на сезон.

— Я помню, — сказал он.

— Знаю. Мне нужно, чтобы помнил и в мае.

Пока Вера разговаривала с Галиной, я вынесла чашки на кухню. Михаил пошёл следом.

— Вы думаете, она торопится? — спросила я.

Он встал у раковины.

— Я думаю, она имеет право торопиться. Это не одно и то же.

Я промыла ложку и положила сушиться. Он взял полотенце, освободил мне место у крана. В узкой кухне мы стояли близко, и я заметила маленький шрам возле его уха. Не красивый, не значительный. Просто черта лица, которую из-за стола нельзя было разглядеть.

— Вам сколько? — спросила я.

— Тридцать семь. Через десять дней тридцать восемь. А выгляжу на сколько?

— На человека, который сейчас попробует вымыть всё за меня.

Он посмотрел на полотенце у себя в руках и положил его.

— Ладно. Я тогда посижу.

Он сел на табурет. Я домыла чашки, и всё это время мы разговаривали — о дороге, о нелепой погоде, о том, почему в каждом старом отеле есть дверь, которую нужно приподнимать коленом. Я впервые за три дня перестала думать, сколько минут не работаю.

Глава 4. Май в апреле

В четверг мы поднялись в кладовую над служебной пристройкой. Там хранили запасные одеяла, сломанные торшеры и коробки, на которых было написано «разобрать». На некоторых подпись успела выцвести.

Михаил искал фотографии панно. Я держала фонарь, потому что лампочка освещала только лестницу.

— Здесь безопасно? — спросила я, когда под ногой скрипнула доска.

— Пол — да. Торшер справа — нет. Он падает с девяносто восьмого года.

Я переставила торшер к стене.

В коробке из-под чайного сервиза оказались тетради. На обложке верхней было написано «Елена» и нарисован большой лист. Между страниц лежали образцы ткани, вклеенные одной стороной. Я подняла маленький лоскут против света.

— Можно?

Михаил кивнул.

Это были рабочие записи: какие нити выгорают, чем укрепить основу, где купить полотно без грубых узлов. Между ними встречались списки продуктов и телефонные номера. На одном развороте — рисунок панно с раскрытым окном. Рядом карандашом: «Не добавлять солнце. И так всё время требуют лето».

Я улыбнулась.

— Ваша мама продавала работы?

— Иногда. Здесь все думали, что это её увлечение.

— А она?

Михаил пожал плечами.

На следующей странице был набросок большой прямоугольной композиции. К нему прикрепили сухой листок с адресом выставочного зала в Таллине. Под адресом стояли даты — конец августа, сентябрь. У рисунка не хватало середины: бумагу порвали и аккуратно склеили с обратной стороны.

— Это тоже сохранилось?

— Не знаю. Я такого не видел.

Он взял тетрадь, поднёс к фонарю. На мгновение его лицо стало совсем молодым — не из-за выражения, а от того, как растерянно он смотрел на материнский почерк.

Я отвела свет, чтобы не бить ему в глаза.

Мы спустили четыре коробки. В гостиной я разложила содержимое по отдельным листам бумаги. Вещи быстро заняли оба стола, и Михаил принёс ещё один.

— Не надо всё сразу, — сказала я. — Я в первую очередь опишу то, что относится к трём панно. Остальное — отдельный объём.

— Я заплачу.

— Я не успею всё за месяц, даже если вы заплатите.

Он стоял с краем стола в руках. Потом поставил его к стене.

— Понял.

К обеду я нашла фотографию «Мая» до поздней починки. Панно висело за столом, на столе был торт с семью свечами. Михаил узнал свой день рождения, но год назвал не сразу.

— Если работа девяносто четвёртого, то это следующий апрель. Мне тогда семь.

— Значит, вы весенний.

— Восемнадцатого.

Я отметила про себя дату и спросила, можно ли отсканировать снимок. Он согласился.

После обеда я попросила Тимура помочь перенести пустую раму. Он пришёл с телефоном, на экране которого была анкета на учебный курс. Пока мы ждали Михаила с ключом от подсобки, Тимур спросил, долго ли я училась.

— Всё ещё учусь, — сказала я. — А ты куда собираешься?

— Электрооборудование зданий. В июне начинается.

Он показал страницу. Вопросы были про опыт и допуски. Я могла помочь только с тем, как коротко описать обязанности, и сразу это сказала.

Михаил вошёл, когда Тимур перечислял, что делает здесь: мелкий ремонт, приём расходников, контроль оборудования вместе со специалистами.

— У тебя хорошее направление, — сказал Михаил. — Я бы сначала другой курс взял. Там база сильнее.

Тимур убрал телефон.

— Этот рядом с домом. У меня бабушка одна, я к ней после работы хожу.

— Там часть дистанционно. Я посмотрю.

— Я уже выбрал, Михал Сергеевич.

В комнате стало неловко. Михаил молча передал ему ключ. Они перенесли раму, поставили на прокладки. Тимур поблагодарил и ушёл.

— Я ведь не отговариваю, — сказал Михаил мне.

— Он, кажется, слышал по-другому.

— Я знаю, какие курсы дают что-то кроме бумажки.

— А он знает, во сколько ему нужно быть дома.

Михаил хотел ответить, но я подняла руку.

— Это не моё дело. Я сама постоянно лезу, когда кто-нибудь рядом делает не так, как привыкла я. У меня Даша однажды сняла кольцо с пальца, чтобы показать, что мы не женаты и она не обязана слушать мои советы по каждому проекту.

Он усмехнулся.

— Помогло?

— Ненадолго.

Через час я увидела, как он отдаёт Тимуру листок. Тот сначала нахмурился, потом прочёл и кивнул. Позже Михаил объяснил: написал, какие работы Тимур выполнял, чтобы приложить к анкете. Про другой курс ничего не добавлял.

Я вернулась к карте повреждений. Через открытую дверь было видно, как Тимур заполняет анкету.

Вечером, когда я уже выключила рабочий свет, Михаил ещё сидел над тетрадями. Я услышала, как он тихо рассмеялся.

— Что там?

Он повернул страницу. На полях было нарисовано детское лицо с огромными ушами. Подпись: «Миша сказал, что в супе слишком много воды».

— Разумное замечание, — сказала я.

— Отец двадцать лет его повторял.

Я села напротив. Мы перелистывали тетрадь вместе, осторожно, чтобы не оторвать лоскуты. Иногда я читала вслух. Михаил объяснял, кто такая тётя Неля и почему «получить с Виктора» означало не деньги, а вернуть хорошие ножницы.

Я уже знала, что мать умерла пятнадцать лет назад. Отец прожил ещё пять, оставив гостиницу детям. До этого Михаил работал инженером на большом предприятии и приезжал только в отпуск.

— Вы собирались остаться? — спросила я.

— На сезон. Нужно было разобраться с отцовскими делами.

Он перевернул страницу, но мы оба уже не читали.

— Десятый сезон? — спросила я.

— Да.

Из коридора донёлся звонок стойки. Михаил посмотрел на часы и встал. Я осталась у стола, собирая в папку части разорванного конверта — не потому, что работа не могла подождать. Мне хотелось дождаться, пока он вернётся.

Глава 5. По сухому песку

В пятницу после обеда я испортила собственный выходной.

Сначала собиралась пройти до маяка. Потом заметила на «Мае» ещё один ослабевший участок, потом решила закончить карту повреждений. В четыре позвонила Даша, и я сказала, что уже выхожу.

— Ты сидишь, — ответила она.

— Откуда знаешь?

— У тебя голос человека, который держит телефон плечом.

Я переложила телефон в руку.

Мы поговорили про Казань. Кирилл прислал условия: хорошая сумма, проживание, дорога, но все материалы проекта уходили в портфолио бюро без отдельного указания исполнителей. Я могла перечислить работу в резюме после согласования.

— Ты можешь предложить свои условия, — сказала Даша.

— Могу. И не получить работу.

— Да. Это тоже вариант. Но ты ещё даже не спросила.

С Дашей трудно было жаловаться: она редко позволяла превратить неотправленное письмо в трагедию.

Я закрыла ноутбук и вышла.

Михаил стоял у бокового входа, менял лампу над ступенями. Увидев меня с фотоаппаратом, кивнул в сторону моря.

— К маяку? По нижней тропе сейчас сыро. Идите через сосны.

— А вы давно там были?

Он подумал.

— Осенью.

— Тут пятнадцать минут.

— До котельной две. Я там чаще.

Я застегнула куртку.

— Пойдёмте. Раз уж умеете советовать дорогу.

Он посмотрел на лестницу, на коробку с лампами, на часы. Я уже пожалела о предложении.

— Мне нужно десять минут, — сказал он.

Я ждала у ворот. Михаил вышел в другой куртке, без рабочего телефона. На вопрос, не случится ли без него ничего страшного, показал второй аппарат.

— Тимур знает этот номер.

По тропинке мы шли молча. Воздух был холодный, но солнце вышло из-за облаков. Между соснами блеснула вода. У лестницы к пляжу Михаил пропустил меня вперёд, и я поймала себя на том, что слишком внимательно чувствую его присутствие за спиной.

На песке оказалось теплее. Я расстегнула шарф. Ветер тут же вынул из причёски прядь и бросил мне в рот.

Михаил засмеялся.

— Не помогайте, — сказала я, выплёвывая волосы. — Я справлюсь.

— Я пока только смотрю.

Мы пошли вдоль воды. Он рассказал, что в детстве собирал выброшенные морем дощечки и строил из них плоты для игрушечных солдатиков. Солдатики тонули. Плоты иногда возвращались.

— У вас были братья?

— Только Вера. Она требовала пассажирский флот и расписание.

Я представила её в ярких носках, с маленькой тетрадью, и рассмеялась.

У маяка был киоск. Михаил купил кофе, я — булочку с сыром. Мы поделили её на парашете, сидя на моём сложенном пакете. В какой-то момент он потянулся смахнуть крошку с моего рукава, но остановился, и я сама подставила руку.

Это вышло глупо и слишком заметно. Мы оба посмотрели на рукав.

— Спасибо, — сказала я.

— Пожалуйста.

По дороге обратно он спросил, почему я занимаюсь тканями. Я рассказала про бабушкин вышитый занавес и про то, что в училище собиралась расписывать керамику, но случайно попала в мастерскую, где снимали с подрамника огромный театральный задник. Меня тогда поразило, сколько людей нужно, чтобы осторожно поднять мягкую вещь.

— А вы почему стали инженером?

— Хотел, чтобы от моих расчётов что-нибудь работало.

— Работало?

— Иногда даже то, что рассчитывал.

Он улыбнулся, и я вдруг захотела прикоснуться к его лицу. Так ясно, что пришлось посмотреть на море.

У лестницы телефон всё-таки зазвонил. Михаил ответил, выслушал, объяснил, где лежит запасной ключ от номера. Разговор занял полминуты. Он убрал телефон и не ускорил шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.